

УДК - 81

Мельникова Л.А.

Астраханский государственный университет

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ КОРРЕЛЯЦИИ СКЛОНЯЕМЫХ И НЕСКЛОНЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

L. Melnikova

Astrakhan state university

FUNCTIONAL CORRELATIONS OF DECLINABLE AND INDECLINABLE NOUNS IN RUSSIAN

Аннотация. В статье Л.А. Мельниковой «Функциональные корреляции склоняемых и несклоняемых существительных в русском языке» рассматривается функциональная адекватность несклоняемых существительных как синтаксическое явление, определяются факторы, компенсирующие формальный недостаток этой языковой единицы в коммуникативной среде, выявляются её синтагматические свойства, сильные и слабые позиции в структуре предложения, условия возникновения омонимии, системные ограничения для самостоятельного употребления несклоняемого существительного в словосочетании и предложении.

Ключевые слова: склонение, словоформа, падеж, синтаксическая позиция, инверсия, омонимия, контекст.

Abstract. The article considers the functional appropriateness of indeclinable nouns as a syntactical phenomenon. The author defines the factors, that compensate a formal disadvantage of this linguistic unit in the communicative sphere. The author also focuses on the syntagmatic characteristics, strong and weak positions in the structure of a sentence, the conditions of homonymy as well as the system restrictions of independent usage of the indeclinable noun in a phrase and in a sentence.

Key words: declension, form of a word, the case, syntactical position, inversion, homonymy, context.

Описание несклоняемых существительных как строевого элемента коммуникации во многих теоретических трудах по языкознанию ограничивается общепринятой аксиомой, справедливо утверждающей, что частные категориальные значения данных существительных выражаются синтаксически (В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.М. Пешковский, А.В. Бондарко, А.А. Зализняк, Н.Ю. Шведова и мн.др.), из чего следует, что в речи говорящему достаточно использовать несклоняемое существительное в позиции обычного «форменного» (А.М. Пешковский) существительного и оно, по «закону» аналогии, станет выполнять все возложенные на него конструктивные функции и без окончания. Данная позиция представляется нам не вполне обоснованной, поскольку опирается на общую картину функционирования лексического корпуса несклоняемых имён без учёта сопутствующих явлению несклоняемости проблем синтаксической омонимии и окказионального склонения этих существительных в определённых условиях коммуникативного пространства [5, с. 57], что свидетельствует о различной степени их конструктивной адекватности.

Формальная невыраженность содержательных различий является для русского языка периферийным, аномальным явлением [7, с. 336]. Существительное без флексии, обладая лишь

начальной формой И.п., тем не менее, употребляется не только в роли подлежащего, но и замещает в предложении формы всех косвенных падежей. Этот факт является главной функциональной особенностью несклоняемых существительных. Несмотря на неудобную в выражении частных грамматических значений форму, речевая система функционально не обособляет эти существительные, не ограничивает только согласовательными конструкциями и, более того, не отказывает им, как неинформативным, аналитическим элементам, в позиционной вариативности (ср.: *Спагетти с сыром кормили здесь всех приезжих туристов; Кутюрье восхищался французский бомонд*). Данный феномен должен опираться не только на собственно языковые закономерности, но и на речевые возможности нефлективной лексики, которые ещё недостаточно исследованы.

Вопросы функционирования несклоняемых существительных (далее НС) обсуждались в научной литературе, в основном, с позиций системы средств выражения грамматических категорий (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, И.П. Мучник, А.А. Колесников, А.Т. Кривоносов, С.Д. Герцев и др.), машинной обработки текстов (Л.В. Кнорина), тенденции к аналитизму в грамматике русского языка (Ю.В. Рощина, Т.Б. Астен, Е.В. Маринова и др.). Исследователями описаны основные этапы эволюции данной группы слов, конкретные формы проявления у них категорий рода, числа и падежа, даны рекомендации по автоматической обработке нефлективной лексики, по фиксации специфических особенностей этих слов в словарях современного русского языка. Однако не выяснено, как определяются возможности их синтаксического взаимодействия, каков функциональный потенциал редуцированной словоформы и какие условия влияют на проявление её системной омонимичности в речи.

Остаются открытыми теоретические и терминологические вопросы, связанные с функционированием НС. «Термин «нулевое»

склонение нельзя признать удачным, поскольку склонение предполагает формальное противопоставление хотя бы двух словоформ. Нулевое склонение, где нет такого противопоставления, вряд ли можно признать за склонение» [6, с. 5]. «С середины 60-х годов XX века в советском языкознании возобладала спорная точка зрения на эти слова как относящиеся к особому «нулевому» склонению с нулевыми и субституируемыми аффиксами. ...По нашему мнению, ...неизменяемые имена существительные русского языка не имеют морфологической парадигмы грамматических форм (даже омонимичных и субституируемых), но они обозначают такие объекты действительности, которые обладают грамматикализованными в пределах имён существительных свойствами и связями» [2, с. 47]. «Несклоняемым именам свойственна категориальная полифункциональность, которую логичнее рассматривать как проявление грамматической полисемии, а не омонимии» [1, с. 255]. «Говоря о склоняемости имён, мы тем не менее не отождествляем это явление со способностью изменяться по падежам, поскольку существует так называемое нулевое склонение, в сфере которого падежные значения находят выражение только в аналитических средствах в отличие от других склонений...» [3, с. 149]. Объективные причины споров кроются, на самом деле, в разных подходах к данному явлению без учёта его системного потенциала.

Попытки найти компромиссное определение несклоняемости существительных усложняются объективными трудностями, связанными с особенностями лингвистической интерпретации их функциональных свойств. Субстантивная модель с основой на гласный: 1) лишена словоизменения, но не лишена способности межсловного взаимодействия; 2) при кодифицированной несклоняемости допускает вариативность формы за пределами литературного языка; 3) семантически и функционально адекватна в нейтральном синтаксисе, но в модифицированных речевых конструкциях проявляет неоднознач-

ность; 4) сохраняет смысловую нагрузку в одних видах синтаксической связи, но теряет в других (беспредложное управление); 5) нейтрализует синтаксические отношения в условиях лексической и грамматической полисемии синтагматического окружения.

Альтернативным взглядом на «асистемный» элемент в функционирующей системе является предположение о том, что у нефлективных имён реализуются парадигмы омонимичных нулевых окончаний [4, с. 170]. Однако данный подход не означает синтаксической склоняемости [3, с. 149] существительных с основой на гласный. Это привело бы к существенной корректировке лингвистического понятия «склонение», которое в современных «Грамматиках» определяется традиционно: «Изменение слова по падежам называется склонением» [8, §1173].

Разработанные в последние десятилетия принципы синтаксического исследования, в частности, опора на совокупность и взаимодействие семантических, синтаксических и морфологических признаков, позволяют уточнить функциональный статус НС, выяснить, какова степень его конструктивной самостоятельности и велика ли роль формального показателя в динамике речи. Структурно-семантический анализ предложений, содержащих НС, обнаруживает, что отсутствие в именной словоформе морфологического показателя оказывается для многих синтаксических моделей несущественным признаком. Между тем, другие способы выражения падежного значения тоже имеют формально-грамматическую характеристику.

Синтаксическая идентификация НС зависит от взаимного влияния структур предложения и его компонентов. Основным источником грамматической информации бесфлексивного существительного – его семантика в структуре пропозиции, где аргументы занимают фиксированные позиции при предикате. Таким способом в бессознательном механизме фиксируются единичные значения (соотносимые с референтами) в их взаимной связи. Агенс (и его группа) за-

нимает центральную, в линейном отражении – начальную позицию, за ним следует его признак, который дифференцируется и в соответствующей синтаксической структуре определяет для аргументов «места» в заданной последовательности. Занимая традиционную позицию в данном иерархическом образовании, нефлективное имя (лексема со свойственной ей семантикой) приобретает информацию, сообщаемую ему структурой.

Неизменяемость существительных с основной на гласный позволяет выявить функциональные границы внутренней формы слова. Валентностные свойства глагола и существительного в русском языке могут отражать синтаксические отношения и указывать тем самым на падежное значение зависимого субстантива (ср.: *заниматься регби, маршрут ралли*), но могут и допускать синтаксическую вариативность в зависимости от членимости семантики как главного, так и зависимого слова (*учитель Белых (кого?кто?)*, *подарок Тоби (чей?кому?)*, *украшать оригами (что?чем?)*, *письмо Сулико* и др.), поэтому внутренняя форма НС не может сама по себе являться достаточным источником грамматической информации даже при употреблении данного имени в традиционной позиции при предикате (*Он был представлен миледи (кому?кем?)*).

Омонимичность нефлективного компонента усиливается при нарушении прямого порядка слов в предложении, когда неопределённая, «псевдона начальная» форма в функции адресата или средства действия начинает претендовать на функциональные роли других компонентов, например, субъекта или объекта (ср.: *ВТБ-24 даёт большие возможности доверие граждан; Конфетти украшали костюм девочки; Вертолет задел шасси трос* и т. п.). При автоматизме речи не всегда удаётся установить падежное значение, характер связи и межсловные отношения в конструкции, содержащей НС, следовательно, инверсивный способ его употребления в высказывании может создавать коммуникативную проблему.

В модифицированных речевых структурах: с измененным словопорядком (*Конферансье передал сценарий режиссер*), редукцией компонентов (*Он пишет Краузе (кому?кого?)*), в номинализованной пропозиции (*поздравление радио России (кого? – радиоканала (НС-объект); кому? – радиоканалу (НС-адресат); кем? – радиоканалом (НС-косвенный субъект в форме Т. п., ср.: поздравление юбиляров радиоканалом)*), в причастном обороте (*Принесённый портье (кому?кем?) ужин остыл*) – НС теряет семантическую опору и становится причиной неоднозначности высказывания, следовательно, для функциональной идентификации нефлективного имени в этих условиях необходима семантическая грамматикализация компонентов, осмысливаемых в речевом контексте.

Заметим, что в устной речи синтаксические условия не всегда располагают к разграничению вариативных значений и смыслов, имплицитированных в одной форме. Синтаксическая омонимия может возникнуть при позиционной неопределённости, двусмысленности прикрепления несклоняемого существительного, что часто является причиной неверной смысловой интерпретации (*Диана показала гитару Сосо (кому?чью?)*; *У Стаса остались жетоны в метро (где?какие?)*; *Я надел фуражку портье (кому?чью?)* и др.). Благодаря общности формального облика для всех возможных грамматических значений НС сохраняет в речи омонимический характер, не проявляющийся в условиях согласования, традиционного словопорядка, но ясно выраженный в отсутствие этих синтаксических факторов, благоприятных для функционирования.

Одно НС в слабой позиции может значительно задерживать процесс идентификации (*Пальто придаёт элегантность шарф*; *Мне запомнилось исполнение симфонии маэстро (кем?чьей?)*; *Доставка такси (ср.: автобусом) по месту требования*; *Шимпанзе увидел на окраине леса егеря* и т.п.). Присутствие в предложении двух и более НС в ус-

ловиях свободного словопорядка, соответственно, усиливает конкуренцию именных компонентов и может создавать коммуникативную проблему: *АГУ выставил счёт АКВТ (кто?кому?)*; *ТНТ жертвует Собчак (кто?кем?)*; *Начштаба назначен комроты* и т. п. Сходная семантика конкурирующих существительных делает равноправными интерпретации конструкций. Интуитивно выделяется структура с прямым порядком слов, однако для окончательного установления семантических ролей требуется расширенный контекст.

Помимо анализа примеров из речи совершеннолетних носителей языка, стоит обратить особое внимание на речь детей дошкольного и школьного возраста. Анализ детской речи использовали в своих исследованиях многие лингвисты мира: Ш. Балли, Ж. Пиаже, М. Граммон, Г. Гийом, Б. МакВинни, К. Сноу, Л.С. Выготский, А.Р. Лурия, Р.О. Якобсон, А.Н. Гвоздев, С.Н. Цейтлин и др., благодаря чему выведены общие закономерности усвоения родного языка и, в частности, его морфологической системы, однако не все положения, доказываемые в данных трудах, в полной мере соотносятся с таким частным явлением русской грамматики, как функционирование несклоняемых существительных.

По мнению С.Н. Цейтлин, «для детской речи характерна тенденция последовательно фиксировать противопоставленность грамматических значений формальным способом (можно это рассматривать как стремление к симметрии языкового знака). Так, дети склоняют несклоняемые существительные (*на метре, с большой кенгурой*)» [7, с. 330]. Но не уточняется, все ли дети и при каких условиях применяют словоизменение к именам с основой на гласный.

Как альтернативу приводим результаты собственного лингвистического исследования, проведённого с детьми 5-6 лет. Дошкольникам предложено задание: помочь рассказать сказку, в которой пропали половинки некоторых слов, эти слова необходимо угадать и назвать полностью. Детьми (150

респондентов) озвучено 37 синтаксических позиций 15 несклоняемых существительных с финалями *-о, -е, -и, -я, -у*. Измененная форма представленных в экспериментальном тексте слов составила всего 16%. Очевидно, что не все дети и далеко не всегда склоняют существительные с основой на гласный и это имеет объективные причины.

В детском употреблении отражаются признаки первичного осмысления именной формы, отличающейся от большинства подобных и сопротивляющейся уподоблению. Изучение материалов лингвистического опроса детей (спектр ответов и сопутствующих им невербальных знаков, указывающих на уверенность или затруднение: понижение тона, паузы, варьирование либо произнесение окончаний и др.) позволяет выявить особенности «непредвзятого», рефлекторного восприятия несклоняемых имён и характер процессов, связанных с грамматическим оформлением нестандартного слова.

Если сравнить в нашем опросе синтаксические условия в случаях измененного и неизменного употребления несклоняемых существительных, можно установить два взаимосвязанных факта: 1) чем отчетливее выражена семантическая функция нефлективного именного компонента, определяемая его позиционными и логическими признаками (т.е. чем точнее лексическое значение вписывается в структуру пропозиции), тем меньше он нуждается в формальном показателе; 2) обращение к морфологическому уподоблению неизменяемой словоформы в стилистически немаркированной речи допускается лишь в случае недостаточности контекстно-конструктивной информации, т.е. при неопределённости отношений между предложением как целым и несклоняемым существительным как его элементом (*прикрепил к пальто значок, но – зацепился пальтом за корягу*).

Наличие у иноязычного существительного финали, аналогичной или созвучной окончанию какого-либо русского имени (*Буратино – Дима; ниндзя – Кузя, к пони – к Тоне*),

является провоцирующим условием для его русификации в детской речи. По этой причине такие типы существительных как *кенгуру, шоу, зомби, пари, тюре, кафе* не способны к уподоблению русским именам и составляют особую морфонологическую группу несклоняемых существительных, формоизменение которых ограничивается фонологической системой русского языка.

Недостаточно дифференцированные в сознании ребёнка варианты формы реализуются в его речи в соответствии с определёнными условиями: в зависимости от степени достаточности смысла в конструкции и степени созвучия финали несклоняемого существительного соответствующему форманту в русском языке. Последний фактор можно условно назвать эффектом «притяжения», когда к финали (например, *-о: зацепился пальто* или *-е: пирожное с кофе*) притягивается гласный флексии, соответствующей данной позиции (*пальто + ом, кофе + ем*), но говорить о регулярной склоняемости этих слов в детской речи нельзя.

Для детей 6-летнего возраста очевидна первичность семантического компонента значения неизменяемой словоформы по сравнению с морфологическими признаками. Этот принцип лежит в основе естественного акта употребления неудобной для склонения формы. Таким образом, в речи детей действует принцип достаточности грамматической информации, извлекаемой при восприятии непосредственно из синтаксической конструкции, где внимание реципиента обращено не к отдельным словоформам, а к общему смыслу высказывания, подчинённому пропозитивной семантике.

Итак, несклоняемое существительное представляет собой функционально неоднозначную единицу со спецификой выражения реляционных значений. Данная специфика состоит в **семантической** грамматикализации компонента структуры в условиях беспредложного синтаксического управления (*Она поёт сопрано*), и **аналитической** грамматикализации – при согласовании, в пред-

ложных и предикативных сочетаниях (*неугомонные какаду, у какаду, какаду сидят и под.*).

Таким образом, склоняемые и несклоняемые существительные сопоставимы по их общим категориальным (именным) характеристикам и противопоставлены по способу выражения грамматических значений, что определяет различие их лингвистических признаков. Корреляции данных синтаксем формируются оппозиционным соотношением источников информативности, дифференцирующих возможностей, большей связанностью или большей свободой, т. е. подвижностью внутри конструкции, большей или меньшей устойчивостью к модификации структуры, полисемии и полисемантической, экономии языковых средств и другим семантико-синтаксическим и речевым факторам.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Астен Т.Б. Аналитизм в системе морфологии имени: когнитивный и прагматический аспекты. Дисс. ... д-ра филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2003. – 301 с.
2. Колесников А.А. Неизменяемые имена существительные русского языка, обозначающие исчисляемые предметы // Филологические науки. – 1989. – № 5. – С. 45-49.
3. Копелиович А.Б. Синтаксические отношения, категория падежа, управление // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы VIII междунар. конференции. – Владимир: ВГУ, 2009. – С. 149 – 154.
4. Панов М.В. Позиционная морфология русского языка. – М.: Наука, Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.
5. Приорова И.В. Несклоняемые имена в русском языке: учебное пособие. – М.: Изд-во Флинта, Наука. 2008 г. – 87 с.
6. Смирнова Г.А. Несклоняемые существительные в современном русском литературном языке в отношении к системе и норме: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1980. 20 с.
7. Цейтлин С.Н. Детские речевые инновации: опыт анализа (Исследования по языкознанию: к 70-летию члена-корреспондента РАН А.В. Бондарко). – СПб., 2001. – С. 329-336.
8. Русская грамматика. В 2-х тт. / Брызгунова Е.А., Габучан К.В. [Электронный ресурс] // Академия наук СССР. Институт русского языка: [сайт] [2005]. URL: <http://rusgram.narod.ru/> (дата обращения: 23.08.2011).